

На правах рукописи

Давыдов Владимир Николаевич

**ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ АУТЕНТИЧНОСТЬ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ
МОЛОДЕЖИ ИЗ ЧИСЛА КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ
НАРОДОВ СЕВЕРА В РОССИЙСКОМ МЕГАПОЛИСЕ**

Специальность 23.00.02

Политические институты, этнополитическая конфликтология,
национальные и политические процессы и технологии

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата социологических наук

003065043

Москва – 2007

Диссертация выполнена в Центре исследования международных отношений
Института социологии РАН

Научный руководитель:

доктор социологических наук
Мукомель Владимир Изявиич

Официальные оппоненты:

доктор философских наук, профессор
Быховская Ирина Марковна

кандидат социологических наук
Халий Ирина Альбертовна

Ведущая организация:

Санкт-Петербургский государственный
университет телекоммуникаций
им. профессора М.А. Бонч-Бруевича,
кафедра социально-политических наук

Защита состоится «___» ____ 2007 г. в ___.00 часов на заседании Диссертационного
совета Д.002.011.02 в Институте социологии РАН по адресу: 117218, г.Москва,
ул. Кржижановского, д. 24/35, к.5, ауд.323

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института социологии РАН.

Автореферат разослан «___» ____ 2007 г.

Ученый секретарь Диссертационного совета,
кандидат философских наук

Е. Рождественская

Е. Ю. Рождественская

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования

Характерной чертой современности является обострение дискуссий, связанных с проблемой признания прав коренных малочисленных народов России, вовлеченных в процесс культурных изменений и поисков самоопределения, а также их притязаниями на идентичность и этнокультурную аутентичность. Трансформация современного российского общества остро поставила перед коренными (индейскими) культурными группами вопросы об осознании индивидуальной и групповой идентичности, интеграции и дезинтеграции, месте в социальной иерархии, системе ценностей и выборе стратегий будущего.¹

Крупные города являются той средой, где осуществляется контакт мигрантов с представителями других культурных групп и создаются нарративы идентичности. Студенты и аспиранты из числа коренных малочисленных народов Севера, обучающиеся в вузах метрополиса, являются мостом между региональными культурными группами и городским сообществом, именно в публичной сфере метрополиса происходит дискуссия по поводу мигрантов и коренных культур.

В процессе современных социальных преобразований проблемы этнокультурной аутентичности и идентичности выходят на передний план политического дискурса. Тем не менее, вопрос об этнокультурной аутентичности, выдвигаемый активистами коренных народов, является дискуссионным. Хотя Р. Хандлер и предложил рассматривать аутентичность как «конструкт современного Западного мира»², и можно говорить о том, что она навязывалась «коренным группам» в качестве инструмента доминирования в рамках колониального дискурса, представители локальных культурных групп пытаются использовать ее как одну из стратегий интеграции в глобальное сообщество и для привлечения ресурсов с целью «сохранения культурного наследия», а также для того, чтобы легитимировать права на ресурсы и территорию. Понятие «этнокультурная аутентичность» может использоваться политическими лидерами и активистами коренных малочисленных народов в качестве идиомы политического поля, когда представители различных культурных групп заявляют свои права на природные и земельные ресурсы.

Степень научной разработанности проблемы

Термин «аутентичность» был заимствован социологией и социальной антропологией из философии. С этим связаны многие сложности в его трактовке. Он

¹ Социальная стратификация российского общества / Отв. ред. З. Т. Голенкова, М.: «Летний сад», 2003, с. 365.

² Handler R. Authenticity // Anthropology Today, 2(1), 1986, pp. 2-4.

встречается в работах Т. Адорно, Я. Голомба, В. Беньямина, М. Бермана, К. Пламера, Ж. П. Сартра, М. Хайдеггера. В западной науке сложилась парадигма «поиска аутентичности», где аутентичность ассоциировалась с «древним», «истинным», «примитивным». Данная парадигма аутентичности была долгое время доминирующей в рамках социальных и гуманитарных дисциплин.

Необходимо заметить, что в отечественной социологии термин «этнокультурная (культурная) аутентичность» является новым концептом. В советский период он практически не использовался (исключением являются дискуссии об «аутентичном марксизме» в рамках социальной философии), в то время как за рубежом, начиная с конца 1970-х годов, данное словосочетание было предметом оживленных научных дискуссий и вошло в лексикон таких дисциплин как социология и антропология туризма, музеведение, фольклористика, социология культуры, этнология и этнография в качестве аналитического инструмента. Нельзя говорить о формировании «единого западного» социологического взгляда на данное понятие и тем более о существовании «школ», в которых этот концепт разрабатывался. Культурная аутентичность была и остается полемическим концептом, который часто имеет разные трактовки в рамках различных теоретических подходов. Эмпирический материал, для анализа которого ученые применяли разнообразные концепции аутентичности, собирался в основном в сообществах коренных народов и географически представлен пятью континентами. Данный термин встречается в работах канадских, американских, британских, австралийских, немецких, норвежских и шведских ученых. В начале 80-х годов он был концептуализирован в рамках американской антропологии Р. Хандлером и Д. Линнекин на примере Квебека.³

Понятие «культурная аутентичность» широко используется в социологии и антропологии туризма (П. Дрансарт, Э. Коэн, Д. Макканиел, Д. Урри). В рамках социологии туризма существует трактовка аутентичности как психологической мотивации (Г. Вейт, Р. Лайн). Желание аутентичного опыта представляется явлением модерна и массовой культуры (В. Беньямин, Ж. Бодрийяр, Э. Гидденс, Г. Дебор). В данном ключе возможно рассмотрение аутентичности как «театральной постановки» (И. Гофман, Д. Макканиел). Концепт аутентичности может трактоваться как социально конструируемый (П. Бергер, Г. Вейт, Р. Лайн, Т. Лукман).

Попытка концептуализации понятия «аутентичность», а также рассмотрение ее отдельных аспектов представлена рядом социологических работ (А. Аппадураи, З.

³ Handler R., Linnekin J. Tradition, Genuine or Spurious // The Journal of American Folklore, Vol. 97, No. 385, Jul. – Sep., 1984, pp. 273-290.

Бауман, С. Бенхабиб, Э. Гидденс, Э. П. Коэн, Т. Рейндженер, Ш. Рудраппа, Э. Хобсбаум). Важную роль в концептуализации данного понятия играют работы теоретиков мультикультурализма (К. Э. Аппна, У. Кимлика, Б. Парех, Дж. Сиглоу, К. Тайлер, Ч. Тайлор, Дж. Тулли, А. Феррара).

Материалистический подход к аутентичности развивался антропологией искусства, в рамках которой анализировалась аутентичность вещи, артефакта (Р. Бендикс, Д. Даттон, Б. Киршенблат-Гимблет, Э. Колеман, Ф. Майерс). В рамках данного направления обсуждались процесс презентации культурных элементов в музеях и необходимость сохранения объектов мирового культурного наследия (Я. Бреггер, В. Домингес, Дж. Клиффорд, К. Э. Ларсен, Д. Ловенталь, Т. Минх-Ха, Ю. Юкилето). Музейные коллекции служат «хранилищами» культурной аутентичности, создавая представление о статичности традиции. Тем не менее, традицию и культуру не следует рассматривать как статичные феномены (С. Бенхабиб, Д. Клиффорд, Э. П. Коэн), а аутентичность не следует рассматривать как находящуюся в прошлом, застывшую, неизменную и внутренне согласованную (Х. Бурке, Г. Вард, В. Домингес, Дж. Клиффорд, Б. Конклини, Т. Минх-Ха, Р. Росальдо, С. Смит, Т. Эденсор).

Культурная аутентичность может рассматриваться как дискурсивно сконструированная граница (М. Коходас) и является ключевой в конструировании образа «другого» (Р. Пейн). Доминирующая культура может навязывать каноны аутентичности представителям коренных культурным групп (С. Курцер, М. Фи). Часто понятие аутентичность в повседневном дискурсе ассоциируется с наивным и примитивным. Данный стереотип восприятия аутентичного как «примитивного» и «неиспорченного» создавал образ коренных жителей Сибири как «детей природы» (А. Блок, Ю. Слезкин, О. Хабек). Имиджи коренных народов, сконструированные в соответствии с понятиями примитивизма, экзотики и аутентичности, могут выступать в качестве политических инструментов, являются частью политики идентичности и могут использоваться как символический ресурс (Б. Боденборн, Э. Кастан, Б. Конклини). В современном глобализирующемся мире аутентичность может циркулировать как предмет потребления (С. Гrahам, III. Лю, Г. А. Файн, Г. Хагган).

Проблема культурной аутентичности на материале коренных народов Севера России рассматривалась Д. Андерсоном, А. Блок, А. Кингом, Н. Скоринским-Чайковым, Э. Кастаном, Д. Костером. М. Нуттталл использовал концепт аутентичности для анализа современных процессов, происходящих в Арктике. Близкими по проблематике являются опирающиеся на сибирские материалы работы Т. Аргуновой-Лоу, П. Витебски, Б. Донахью, П. Грэй, М. Бальзер, А. Бартельса, Д. Бартельса, Н. Б. Вахтина, Р. Виллерслева,

Э. Вильсон, Б. Гранта, Дж. Зайкера, Х. Квона, Г. Линдквист, Е. В. Лярской, Е. С. Новик, А. Пики, П. Ретман, Г. Фондаль, О. Хабека, А. Халембы, К. Хампфри, Д. Шинделер, П. Швайцера.

Данная работа выполнена в рамках конструктивистского подхода (В. М. Воронков, В. С. Малахов, И. Освальд, Н. Г. Скворцов, С. В. Соколовский, В. А. Тищков). Наиболее близкими по ряду аспектов и непосредственно касающимися темы диссертационного исследования являются работы ряда отечественных исследователей (А. Б. Гофман, М. Н. Губогло, Л. М. Дробижева, Л. Г. Ионин, О. А. Кармадонов, В. В. Мархинин, М. Я. Рожанский, П. В. Романов, З. П. Соколова, Г. В. Старовойтова, Е. В. Сурова, И. В. Удалова, В. Г. Целищева, К. В. Чистов, В. А. Шнирельман, Е. Р. Ярская-Смирнова).

Проблема заключается в том, что термин «аутентичность» используется в различных контекстах с разным значением. Можно указать на недостаточную концептуализацию данного понятия в социологии. В данной работе анализируется понятие этнокультурной аутентичности, являющейся частным случаем культурной аутентичности, и отличительной чертой которой являются апелляции к «этнической» и «традиционной» символике.

Объектом диссертационного исследования является молодежь из числа малочисленных народов Севера в российском мегаполисе.

Предметом диссертационного исследования являются представления об этнокультурной аутентичности, формируемые как в поле науки, так и в обыденном сознании представителей коренных малочисленных народов Севера.

Цель исследования – рассмотреть воспроизведение маркеров этнокультурной аутентичности в городской среде и их использование в социальных практиках на примере молодежи из числа коренных малочисленных народов Севера.

Для достижения указанной цели решались следующие задачи:

- анализ теоретических подходов к исследованию культурной и этнокультурной аутентичности;
- разработка теоретических основ исследования феномена этнокультурной аутентичности;
- проведение разграничения между понятиями этнокультурная аутентичность и идентичность;
- выработка инструментального определения этнокультурной аутентичности;
- определение механизмов воспроизведения символов этнокультурной аутентичности в среде крупного города (на примере г. Санкт-Петербурга);

- рассмотрение процесса реинтерпретации «традиционной культуры» молодежью из числа малочисленных народов Севера в городской среде;

- анализ механизмов использования символов локальности и этнокультурной аутентичности и апелляций к этнокультурной аутентичности в дискурсе коренных малочисленных народов, а также в процессе коммерциализации (коммодификации) культуры.

Гипотезы исследования:

- важную роль в воспроизведстве символов аутентичности в мегаполисе играет дислокальность (нахождение в разных географических и культурных контекстах) молодых мигрантов, которых отличает постоянное общение с земляками в мегаполисе и ежегодные поездки на «Малую Родину»;

- актуализации символов «традиционной культуры» в городской среде способствует общение в рамках сетевого земляческого сообщества;

- фольклор, нарративы и «страшные истории», воспроизведимые в молодежной среде, являются трансляторами этнокультурной аутентичности в мегаполисе;

- дискурс аутентичности является pragматически ориентированным, может преследовать экономические и политические цели;

- научный дискурс и политические активисты используют понятие «этнокультурная аутентичность» в различных значениях.

Теоретико-методологические основы исследования

Исследование феномена культурной аутентичности представляется перспективным с позиций социального конструктивизма и нарративной концепции культуры (Б. Андерсон, Х. Арендт, С. Бенхабиб, Р. Водак, П. Бергер, Р. Брубекер, Х. Бхабха, Э. Габл, Д. Линнекин, Д. де Лисер, Т. Лукман, Ш. Лю, Ч. Стивале, Г. А. Файн, Р. Хандлер, А. Хансон, Э. Хобсбаум).

Автор опирается на концепции дислокальности и транслокальности культуры (А. Аппадура, А. Гупта, Д. Клиффорд, С. Тодоров, Дж. Фергюсон), символического конструирования сообщества (Э. П. Коэн), символического конструирования идентичности (Р. Дженкинс), социального конструирования реальности (П. Бергер, Т. Лукман), символического капитала (П. Бурдье), воображаемых сообществ (Б. Андерсон), изобретения культуры (Р. Вагнер), изобретения традиции (А. Купер, Д. Линнекин, Т. Рейндже, Р. Хандлер, А. Хансон, Э. Хобсбаум), социальной жизни и социальной биографии вещей (А. Аппадура, И. Копытофф), дискурсивного конструирования идентичности (Дж. Браун, Х. Бхабха, Р. Водак, С. Корнелл, П. Сант, М. Сомерс), социальной жизни историй (М. Джексон), анализа нарративов (К. Бассо, С. Вилликсен-

Баккер, Ю. Константинов, Ю. Круикшанк, П. Ретман, Н. Рис), «постановочной аутентичности» (Д. Макканнел), этики аутентичности (Ч. Тайлор) и политики аутентичности (К. Физ).

В данном диссертационном исследовании используются подходы и модели анализа социальных процессов, разрабатывавшиеся в работах Т. Адорно, Ф. Барта, З. Баумана, У. Бека, М. Вебера, Г. Гарфинкеля, А. ван Геннепа, Э. Гидденса, И. Гофмана, Э. Дюркгейма, Р. Ленуара, Э. Лича, К. Маркса, Д. Мерлье, Дж. Моргана, Л. Пэнто, Ш. Рудраппы, В. Тернера, П. Шампана, А. Шюца, Т. Х. Эриксена, Э. Эрикsona.

При разработке концепции культурной аутентичности использовались методологические подходы А. О. Бороноева, И. Ф. Девятко, В. М. Воронкова, Ю. Н. Емельянова, В. Е. Семенкова, В. В. Семеновой, С. В. Соколовского, Г. М. Старовойтовой, В. А. Тишкова, Т. Б. Щепанской, В. А. Ядова.

На выводы исследования существенное влияние оказали концепции В. Беньямина, Ж. Бодрийяра, Ж. Делеза, Ж. Деррида, Ф. Лиотара, Э. Саида, М. Фуко.

Методика работы включает использование качественных методов социологии, социальной антропологии (С. А. Белановский, И. Ф. Девятко, В. И. Ильин, В. В. Семенова):

- анализ документов – законодательных актов, статистических данных, касающихся проблем малочисленных народов Севера;
- биографический метод и глубинные интервью;
- фокус-группа;
- экспертный опрос - интервьюирование преподавателей, специалистов, обладающих информацией о проблемах молодежи из числа малочисленных народов;
- case-study;
- анкетный опрос (анкета использовалась как качественный метод, включала открытые вопросы);
- наблюдение повседневной жизни молодых людей из числа малочисленных народов Севера, обучающихся в Санкт-Петербурге в Институте народов Севера в РГПУ им. А. И. Герцена, Полярной академии, университете технологии и дизайна;
- анализ сочинений студентов Института народов Севера, РГПУ им. А. И. Герцена на тему «Образ моего народа».

Эмпирической базой исследования являются результаты обработки следующих материалов:

- в ходе исследования было опрошено 160 представителей коренных малочисленных народов Севера (102 полуструктурированных глубинных интервью с записью на кассету общим объемом 65 аудиокассет по 1,5 часа, а также 50 неструктурированных интервью с записью в полевой дневник; в общее число включены групповые и повторные интервью). Были проинтервьюированы представители 23 малочисленных культурных групп Севера, Сибири и Дальнего Востока России: вепсы, долгане, ительмены, коряки, манси, нанайцы, ноганасаны, ногидальцы, ненцы, нивхи, ороки, орохи, саамы, селькупы, сойоты, удэгейцы, ульчи, ханты, чукчи, эвенки, эвены, эскимосы, юкагиры;

- 2 фокус-группы;
 - записи в полевых дневниках, отражающие результаты наблюдений;
 - документы, предоставленные информантами (видеокассеты, личные фотографии, рисунки, газеты, письма);
- 40 сочинений студентов 1 курса на тему «Образ моего народа».

Материалы были собраны в Санкт-Петербурге с 2001 по 2006 гг., а также во время экспедиций в местах компактного проживания малочисленных народов Хабаровского края (нанайцы, эвенки, ногидальцы – села Верхняя Эконь, Владимировка, Даерга, Джари, Джуюн, Кондон, Найхин, Сикачи-Алян, Троицкое и в городах Хабаровск и Комсомольск-на-Амуре) в июле-августе 2002 г. и августе-сентябре 2004г.

Научная новизна диссертационного исследования:

- систематизированы малоизвестные в российской науке зарубежные социологические и социально-антропологические концепции культурной аутентичности и сформулированы теоретико-методологические основы исследования данного феномена;
- проведено разграничение между понятиями «этнокультурная аутентичность» и «идентичность», а также сделано различие между концептом аутентичности в научном дискурсе и представлением об аутентичности, репрезентируемом в локальном дискурсе культурных групп;
- проанализированы механизмы воспроизведения символов этнокультурной аутентичности в среде крупного города;
- рассмотрен процесс реинтерпретации «традиционной культуры» молодежью из числа малочисленных народов Севера;
- проведен анализ механизмов инструментализации аутентичности в дискурсе коренных малочисленных народов и в процессе коммерциализации (коммодификации) культуры.

Положения, выносимые на защиту:

1. Этнокультурная аутентичность как культурный конструкт и аутентичность как научный аналитический концепт являются различными по своему содержанию понятиями и преследуют разные цели. В социологии аутентичность может использоваться как аналитический инструмент, в то время как активисты коренных малочисленных народов часто прибегают к суждениям о «древности традиции» и «этнокультурной аутентичности» для того, чтобы получить контроль над локальными ресурсами и заявить свои права на культурное наследие.

2. Этнокультурная аутентичность и идентичность являются разными по содержанию понятиями. Аутентичность и идентичность различаются как «的独特性» и «普遍性».

3. Воспроизведение символов локальности и этнокультурной аутентичности в студенческой среде в крупном городе осуществляется посредством взаимодействия с земляками, а также поездок на «Малую Родину». В ходе этого происходит постоянное «переопределение» традиции. Постоянно апеллируя к прошлому, «традиционные символы» призваны служить нуждам настоящего.

4. Использование символов этнокультурной аутентичности по отношению к коренным малочисленным народам Севера способствует созданию негативных образов «детей природы» и «примитивной культуры». Апелляция к аутентичности способна артикулировать дискурсивный механизм конструирования «Другого».

5. Презентация символов этнокультурной аутентичности в публичной сфере зачастую преследует политические цели и попытку легитимировать право культурной группы на ресурсы и «культурные элементы».

6. В глобализирующемся мире этнокультурная аутентичность превращается в предмет потребления и может рассматриваться как форма символического капитала.

Апробация положений диссертационного исследования

Диссертация выполнена при поддержке РГНФ (грант № 05-03-03380а) и Норвежского Научного Совета (Norges Forskningsråd). Результаты данного диссертационного исследования были представлены в 26 публикациях общим объемом 24 п.л. (см. «Список публикаций»), а также в виде докладов, подготовленных для международных научных конференций: «Возможности и границы использования социологических методов и социальных технологий в современном обществе» (Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский Государственный Университет, факультет социологии, 14-15 ноября 2002 г.), «Религиозная ситуация на Северо-Западе России и в странах Балтии» (Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский Государственный Университет, факультет социологии, 9-10 декабря 2002 г.), «Культура и менталитет населения Сибири»

(Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский Государственный Университет, факультет социологии, 22-24 октября 2003 г.), «Социальное и культурное пространство города» (Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский Государственный Университет, факультет социологии, 27-28 октября 2004 г.), «Российское общество и власть: проблемы взаимодействия» (Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский Государственный Университет, факультет социологии, 12 ноября 2004 г.) «Ментальность этнических культур» (Санкт-Петербург, Балтийский государственный технический университет, 9-10 июня 2005 г.), «Этноистория и Археология Северной Евразии: теория, методология и практика исследования» (Иркутск, Иркутский государственный технический университет, 9-24 мая 2007 г.).

Результаты исследования представлялись на пятом и шестом конкурсах научных работ студентов и аспирантов памяти Г. В. Старовойтовой «Галатея» (2004 и 2005 гг.), а также на конкурсе работ молодых ученых в ресурсном центре факультета социологии СПбГУ (2005 г.). Статьи «Студенты-северяне в Петербурге: феномен этнокультурной аутентичности в крупном российском городе» и «Институциональные процессы в культуре и этнокультурная аутентичность» заняли призовые места.

Результаты исследования также были представлены на семинарах «Коренные народы Сибири: самопрезентация, перформанс и аутентичность» совместно с В. Симоновой (Норвежский национальный технический университет, социально-антропологический институт, Тронхейм, Норвегия, 20 октября 2005 г.) и «Мигранты из числа коренных народов в крупном городе: самопрезентация, адаптация и культурная аутентичность» (Центр исследования Сибири, Исследовательский институт им. М. Планка, Халле, Германия, 26 января 2006 г.).

Материалы диссертации были использованы в преподавательской деятельности автора при подготовке лекционного курса «социальная антропология» в Институте внешнеэкономических связей, экономики и права (ИВЭСЭП, Санкт-Петербург), а также для подготовки семинарских занятий по курсам AT1002 «Введение в социальную антропологию 1» и AT1501 «Введение в социальную антропологию 2» в Абердинском университете (Абердин, Великобритания).

Практическая значимость

Результаты исследования можно использовать:

- в региональных целевых программах в области молодежной политики;
- в региональных программах национальной политики в части адаптации молодежи из числа малочисленных народов Севера в крупных городах;

- для концептуализации подходов к исследованию мигрантов в мегаполисе, а также процессов коммодификации «традиционной» культуры;
- для разработки теоретико-методологической основы прикладных социологических исследований коренных народов России;
- в учебном процессе в рамках курсов «социология культуры», «социология города», «социальная антропология», «этничность и национализм» и др.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы, приложения.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во «Введении» автор дает общую характеристику работы, обосновывает ее актуальность. Рассматривается степень разработанности проблемы, определяется объект и предмет исследования, формулируются цели, задачи исследования и гипотезы исследования. Характеризуются теоретико-методологические основы, методика и эмпирическая база исследования, раскрывается научная новизна работы, формулируются положения, выносимые на защиту, обосновывается теоретическая и практическая значимость полученных результатов.

В Главе I «Понятие аутентичности в современной науке. Теоретические основы исследования культурной аутентичности» анализируются основные научные теоретические подходы и теории, опирающиеся на понятие «культурная аутентичность», и применение которых является целесообразным для изучения феномена этнокультурной аутентичности в крупном городе. В данной главе формулируется теоретико-методологическая основа исследования данного феномена.

В § 1 первой главы «Понятие аутентичности в философии. Легитимации парадигмы «поиска аутентичности» в науке» рассматриваются философские концепции аутентичности и процесс того, как в науке происходила легитимация парадигмы «поиска аутентичности».

Термин аутентичность был заимствован социальными науками из философии. Начиная с 1970-х годов, понятие культурная аутентичность становится предметом научных дискуссий. Одна из обсуждаемых тем – вопрос о его трактовке. Проблема заключается в том, что оно используется в разных контекстах в различных смыслах. Поэтому при его трактовке необходимо анализировать контекст, в котором оно употребляется.

Ряд авторов указывают на аутентичность как на интегральную часть западной философской гуманитарной традиции (Я. Голомб, Р. Хандлер, Р. Бендинк). Особенностью

данного понятия является то, что оно включает приоритет «истоков» и «ностальгию по утраченному». Аутентичность трактовалась как нечто утерянное, и как то, что необходимо найти. Поиск аутентичного, таким образом, превращается в попытку найти и точно зафиксировать что-нибудь, что определено как исчезнувшее или исчезающее. Такие отрасли научного знания как антропология, этнография, фольклористика, музееведение инкорпорировали парадигму «поиска аутентичности». Легитимации данной парадигмы служили социально-антропологические эволюционистские концепции «примитивной культуры» и «примитивного общества», которые представляли собой попытку найти аутентичное в экзотичном.

Аутентичность может рассматриваться как часть репрезентационного механизма (С. Курцер), посредством которого доминирующая культура создает поддающийся контролю образ «других». Культуры коренных (индигенных) народов репрезентировались как в публичном, так и в научном дискурсе как «отсталые» и находящиеся «в далеком прошлом», что являлось результатом доминирования консервативного подхода к аутентичности, отдающего предпочтение традиционным культурным формам, нежели современным, гибридным, являющимся результатом смешения различных традиций.

Таким образом, «неразвитость», «дикость» стали ярлыком, который навешивается на аутентичность. Категории «прогресс» и «дикость» происходят из эволюционной теории и являлись ключевыми в процессе конструирования образа коренных народов как «других». «Традиция» и «аутентичность» могут выступать теми понятиями, которые навязываются представителям коренных народов как инструмент управления и подчинения. Суждения об аутентичности могут выступать в качестве идеологического инструмента.

В § 2 первой главы **«Понятие аутентичности в социологии и антропологии туризма. «Постаппачная аутентичность»** анализируются работы социологов и социальных антропологов, исследовавших туризм и затрагивавших проблему аутентичности, дискутируется возможность рассмотрения аутентичности как «театральной постановки», которая предлагается туристам.

Культураaborигенных народов издавна привлекала к себе путешественников, исследователей, туристов. Попытки осмыслить социологически туристические практики повлекли за собой ряд дискуссий, касающихся термина «аутентичность». В рамках социологии и антропологии туризма существует трактовка аутентичности как психологической мотивации. Путешествие может трактоваться как поиск «воображаемого

аутентичного мира» и утерянного «аутентичного опыта».⁴ Подобная точка зрения представляет собой рефлексию относительно модернизма и массовой культуры. Ее истоки можно наблюдать в работах В. Беньямина, Г. Дебора, Ж. Бодрийяра, Э. Гидденса.⁵

Т. Ямал и С. Хилл выделяют три подхода к аутентичности⁶ (и, соответственно, три измерения аутентичности), которые представлены в социологии туризма:

- Объективистский - попытка четко локализовать явление в пространстве и времени. Часто сторонники подобного подхода рассматривают аутентичность как объективное «древнее» и «уникальное» качество.

- Конструктивистский - рассмотрение аутентичности как социально и политически конструируемого качества. Здесь аутентичность понимается как предмет идеологических, политических, культурных вопросов, она является не свойством, изначально присущим объектам, а характеристикой, приписываемой им теми, кто обладает властью.

- Личностный – исследование того, как люди воспринимают «аутентичное», «поддельное», реконструированное. Здесь рассматриваются психологические аспекты.

В данном диссертационном исследовании представлен подход, где рассматриваются все три измерения, которые являются идеально-типовыми (М. Вебер). Для анализа отношений туристов и местного населения возможно использовать метафору театра. Здесь ключевыми являются понятия «сцены» и «закулисья», переднего и заднего планов, «фабрикации» (И. Гофман)⁷, а также «постановочная аутентичность» (Д. Макканиел).⁸ Многие культурные продукты специально «выставляются» на показ туристам и украшаются так, чтобы выглядеть «аутентичными». Развитая система массового туризма окружает туриста «постановочным туристическим пространством», где «аутентичное» предлагается туристам в качестве предмета потребления.

В § 3 первой главы «Аутентичность в антропологии искусства. Музей и дискуссия о сохранении культурного наследия» рассматриваются подходы к феномену культурной аутентичности, разрабатывавшиеся в рамках антропологии искусства, а также фигурирующие в дискуссиях о сохранении мирового культурного наследия.

⁴ MacCannel D. Staged authenticity: arrangements of social space in tourist settings // American Journal of Sociology 79(3), 1973, pp.589-603.

⁵ Бодрий Ж. Прозрачность зла. М., 2000; Дебор Ги. Общество спектакля. М., 2000; Benjamin W. The work of art in the age of mechanical reproduction // Illuminations, London: Fontana Press, 1973, pp. 211-244; Giddens A. Self and Society in Late Modern Age. Oxford: Blackwell Publishing, 2004.

⁶ Jamal T., Hill S. The Home and the World: (Post)touristic Spaces of (In)authenticity? // The Tourist as a Metaphor of the Social World / Edited by G. M. S. Dann, New York: Cabi Publishing, 2002, pp. 77-108.

⁷ Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни / Пер. с англ., М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2000; Гофман И. Анализ фреймов. Эссе об организации повседневного опыта / Пер. с англ., М.: Институт социологии РАН, 2003.

⁸ MacCannel D. Staged Authenticity: Arrangements of Social Space in Tourist Settings // American Journal of Sociology 79(3), 1973, pp.589-603.

В зарубежной антропологии искусства обсуждались вопросы, касающиеся «auténtичного искусства» коренных народов,aborигенов, индейцев. Исследователи пытались найти ответ на вопрос, является ли «искусство аборигенов» искусством, а также на тему того, «насколько оно аутентично»⁹ и как его сохранить или возродить. Ставилось под сомнение существование современного «auténtичного примитивного искусства», поскольку все его создатели сейчас находятся под влиянием глобальной визуальной культуры.

Важными для анализа аутентичности артефакта или перформанса представляется то, какие критерии истинности выбирает исследователь. Критерии аутентичности часто являются довольно противоречивыми и варьируются в зависимости от объекта исследования. Следует заметить, что дискурсивное приписывание артефакту таких категорий как «редкость», «неповторимость» и «опасность утраты техники изготовления» служат росту рыночной стоимости продукта.

Поскольку аутентичность провозглашается ценностью, то популярным становится коллекционирование «auténtичных» предметов – стремление законсервировать и сохранить «редкие» предметы. Таким образом, музеи и музейные коллекции поддерживают и воспроизводят дискурс «культурной аутентичности». Вопрос аутентичности является ключевым в дискуссиях о сохранении культурного наследия, где аутентичность рассматривается как многомерный феномен (Ю. Юкилето) и культурная универсалия (Л. Э. Ларсен), но которая не является статичным явлением.

В § 4 первой главы «Аутентичность в социологическом и мультикультураллистском дискурсе» анализируются социологические и мультикультураллистские подходы к культурной аутентичности.

Ключевым в данном направлении является подход Ч. Тайлора, который определяет аутентичность в терминах морального идеала самоосуществления.¹⁰ В своих работах он также использует понятия «культура аутентичности» и «этика аутентичности». Этика аутентичности выступает относительно новым понятием и является особенностью современной культуры. Аутентичность, в интерпретации Тайлора, конституирует этический императив быть истинным по отношению к самому себе, выражает идею открытия своей самости посредством опыта, содержит в себе оригинальность и требует противостояния сформировавшимся стереотипам.

⁹ Coleman E. B. Appreciating “Traditional” Aboriginal Painting Aesthetically // The Journal of Aesthetics and Art Criticism 62 (3), summer 2004, p. 237.

¹⁰ Taylor C. The Politics of Recognition // Multiculturalism. Examining Politics of Recognition / Edited by A. Gutmann, Princeton: Princeton University Press, 1994, pp. 25-73; Taylor C. The ethics of authenticity. Cambridge, MA, Harvard University Press, 1992.

По Тайлору, ощущение смысла и ценности своего существования, а также «открытие» человеком его идентичности формируется в диалоге, посредством коммуникации и взаимодействия с другими. Тайлор считает, что «ригорика «различий», «многообразия» и «мультикультурализма» является центральной для современной культуры аутентичности. Аутентичность является идеей свободы, она предполагает, что человек сам выбирает стиль своей жизни, несмотря на требования внешней конформности. Она выступает самоориентацией человека в современном мире и связана с политикой признания. Тайлор провозглашает признание человеческой универсальностью и считает, что человек может осознать аутентичную самость только через признание других.

К похожему мнению пришел Э. Гидденс, который называет аутентичность основой самоактуализации личности¹¹. По его мнению, поиск аутентичности – это попытка отыскать «настоящее» в современном глобализирующемся мире, поиск истинной само-идентичности, истинной самости и стремление воплотить ее в реальности. Гидденс рассматривает самость не как пассивную сущность, а как «рефлексивный проект», который поддерживает себя путем постоянного процесса переосмысливания.

Социолог Ш. Рудраппа, исследовавшая индийских мигрантов в США, пришла к выводу, что быть аутентичным для мигранта означает воспроизводить «индийскость» («Indian-ness») на новом месте. Аутентичные представления «индийскости» являются сложными и часто противоречивыми наборами разных элементов индийских культур. Воспроизводимые в новой среде культурные элементы служат источником аутентичности.

В § 5 первой главы «Теоретические основы исследования этнокультурной аутентичности. Социальный конструктивизм и нарративная концепция культуры» анализируются методологические вопросы, связанные с изучением феномена культурной аутентичности.

Необходимо разграничить понятия культурная аутентичность и этническая идентичность. Идентичность – это, прежде всего, отождествление себя с той или иной социальной общностью, а также образ «мы», который выступает как образ культуры. Этническая идентичность подразумевает отождествление себя с определенной этнической группой. В процессе контакта мигрантов и «иной» этнокультурной среды она может изменяться. Латинское слово *idem* (тот же самый) имеет тот же корень, что и слово *identity* (идентичность), *identitas* в латинском языке – качество или условие бытия тем же самым. Идентичность относится к качеству человека, места, вещи быть и оставаться теми же.

¹¹ Giddens A. *Self and Society in Late Modern Age*. Oxford: Blackwell Publishing, 2004.

Сравнение «аутентичного» и «идентичного» подобно сравнению специфического и универсального. Аутентичность относится к специфическим, особенным событиям. Она описывает кого-то или что-то, что действует автономно, независимо от других. Аутентичность связана с авторитетом, оригинальностью, креативностью, неповторимостью, уникальностью, искренностью, неподдельностью. Идентичность относится не к уникальным, а универсальным событиям и процессам. Таким образом, быть идентичным означает быть представителем какого-либо класса, обладать теми же качествами и свойствами этого класса.¹²

Идентичность студентов из числа коренных малочисленных народов Севера формируется посредством множества конкурирующих нарративов. Повседневная жизнь мигрантов в мегаполисе представляет собой результат смешения различных культурных традиций. Две категории, которые особенно важны при концептуализации аутентичности – пространство и время.¹³ Аутентичность всегда функционирует в определенном пространстве и времени.

Этнокультурная аутентичность – это презентация и воспроизведение локальных особенностей группы или индивида в иной культурной и социальной среде. Маркерами этнокультурной аутентичности в крупном городе могут являться локальная культурная традиция и ее элементы: вещи и предметы, которые студенты из числа малочисленных народов Севера привозят с собой, а также стереотипы поведения, национальная речь, нарративы, способы коммуникации, пищевые привычки, характерные для локального сообщества на «Малой Родине». Можно дать следующее определение культурной аутентичности – это воспроизводимые локальные символы в рамках нового социального контекста. Необходимо заметить, что воспроизведение не должно рассматриваться как «простое копирование традиции», так как репрезентация аутентичности в новом контексте уже является ее изменением. Она представляет собой семантические сети, которые постоянно переопределяются в процессе коммуникации и интеракции мигрантов между собой.

В Главе II «Культурная аутентичность в крупном городе: адаптация, самопрезентация, повседневность» на примере молодежи из числа малочисленных народов Севера анализируется объективистское и личностное измерение феномена культурной аутентичности. В данной главе рассматривается, как происходит адаптация студентов-северян, как они взаимодействуют между собой, какие стратегии

¹² Jokilehto J. Authenticity: a General Framework for the Concept // Nara Conference of Authenticity. In relation to the World Heritage Convention / Edited by K. E. Larsen. Trondheim: Tapir Publishers, Norway, 1995, p. 18.

¹³ Jamal T., Hill S. The Home and the World: (Post)touristic Spaces of (In)authenticity? // The Tourist as a Metaphor of the Social World / Edited by G. M. S. Dann, New York: Cabi Publishing, 2002, p. 82.

самопрезентации выбирают в крупном городе и какую роль в этих процессах играет культурная аутентичность.

В § 1 второй главы «Культурная аутентичность и адаптация» рассматривается воспроизведение этнокультурной аутентичности в рамках адаптационных стратегий студентов из числа малочисленных народов Севера в мегаполисе.

Крупные города являются той средой, где происходит формирование национальных интеллигенций. В мегаполисе молодежь из числа малочисленных народов Севера получает вузовское и послевузовское образование. Важным фактором, притягивающим молодежь из числа малочисленных народов Севера в города, является наличие квот на поступление в высшие учебные заведения.

Молодежь из числа малочисленных народов Севера, приезжающая в крупный город на учебу, поставлена перед необходимостью овладения новыми нормами, ценностями, представлениями, правилами, предписаниями, ограничениями, охватывающими и регламентирующими практически все стороны жизни. Студенты-северяне рассматриваются как группа, самоорганизующаяся на основе общих компонентов «традиционного мировоззрения», культурных паттернов и нарративов, а также стимулирующего воздействия внешней, «чужой» для них социокультурной среды.

В Санкт-Петербурге для студентов-северян актуальна проблема адаптации к новой пище, климату, к жизни в городском общежитии. Существует стереотип об «утрате культуры», когда говорят об ассимиляции и аккультурации мигрантов, их могут называть «людьми, утратившими культуру». В мегаполисе в процессе адаптации северян к городской среде происходит не «утрата аутентичности», а изменение контекста ее воспроизведения.

В § 2 второй главы «Социальные связи, повседневные практики и интеграция» рассматривается воспроизведение этнокультурной аутентичности в рамках земляческих сетей и повседневных практик.

На общие различия между студентами, на характер социальных связей и взаимодействий влияют такие основные факторы как регион, из которого приехал студент, национальность, знание традиционной культуры и национального языка, время пребывания в мегаполисе, материальное положение, психологические качества индивида. В мегаполисе аутентичность проявляется в перенесении в городскую среду характерных для «Малой Родины» социальных связей и взаимодействий, коммуникативных стратегий, паттернов поведения, привычек, обычаяев, фольклора, способов организации жилого пространства. То есть, в городской среде она проявляется в воспроизведении символов локальной культуры посредством повседневных, рутинных практик.

Актуализации символов аутентичности в мегаполисе способствует общение с земляками. Особенно интенсивно общаются в среде земляков города студенты первого курса. Это способствует их адаптации к новым условиям сразу после приезда в мегаполис. Первые дружеские связи студенты стремятся завязать с земляками, стараются поселиться в общежитиях ближе друг к другу в пространственном отношении. Таким образом, для студента-северянина пространство города оказывается пронизанным транслокальными родственными и земляческими связями.

Студенты-северяне в Петербурге являются дислокальным сообществом, которое отличают повторяющиеся поездки домой на каникулы, приезд родственников в Петербург, постоянное общение с земляками. За время обучения студент адаптируется в Петербурге, меняется как его отношение к городу, так и к родным местам. Многие студенты пытаются найти возможность остаться в мегаполисе. Поездки домой и образовательные практики влияют на формирование новых интерпретаций культуры локального сообщества. Используя метафору Альфреда Щюца, можно сказать, что родина «показывает непривычное лицо вернувшемуся домой».¹⁴ Когда студенты приезжают домой на каникулах, они начинают замечать, что «дома делать нечего», «дома скучно». Студенты указывают на то, что в родном поселке, городке «молодежи занимаются практически нечем». Студенты-северяне, приезжающие домой из крупных городов, оказывают влияние на вкусы сельского населения. Все перечисленные выше процессы оказывают значительное влияние на выбор дальнейшего жизненного пути.

В § 3 второй главы «Фольклор в среде молодежи: логика нарратива» анализируется то, как символы локальности воспроизводятся в молодежном фольклоре и «страшных историях».

Студенты привозят с собой в Петербург предметы, которые служат маркерами этнокультурной аутентичности. Каждая из таких вещей имеет свою историю, «живет социальной жизнью» (А. Аппадураин, И. Копытофф). Фольклор, «страшные истории», которые транслируются в среде молодежи и также «живут своей социальной жизнью» (М. Джексон), являются ярким маркером локальности. Подобные истории в основе своего сюжета содержат рассказ о нарушении традиционного запрета (нельзя ночевать на кладбище, кричать в лесу, трогать шаманский бубен), которое навлекает беду. «Традиционное локальное знание» актуализируется в городской среде. Студенты советуют не вышивать ритуальный узор, не выполнять обряд тем, кто не знает, по каким

¹⁴ Щюц А. Возвращающийся домой // Щюц А. Смысловая структура повседневного мира. Очерки по феноменологической социологии / Пер. с англ., М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2003, с. 207-221; Щюц А. Возвращающийся домой // Щюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом / Пер. с нем. и англ., М.: Российская политическая энциклопедия, 2004, с. 550-556.

правилам он делается, так как это может, по их мнению, повлечь за собой негативные последствия.

Важную символическую функцию в воспроизведстве локальных символов в среде крупного города играют концептуализации ландшафтов, которые часто подкрепляются устными нарративами.¹⁵ Каждый элемент ландшафта имеет свою историю, так как является значимым для индигенного сообщества. Подобные нарративы, например рассказы о «Шаман-горе», воспроизводятся студентами, приехавшими в мегаполис. Кроме природных объектов, в нарративах описываются климатические и природные характеристики. Нарративы охватывают также средства передвижения, которые используются на Севере, Дальнем Востоке и в Сибири для освоения ландшафтов. В Петербурге в нарративах молодежи из числа коренных малочисленных народов Севера присутствуют лодки («охота на нерпу»), вертолеты, лесовозы, мотоциклы, бураны и олени упряжки.

Признаком локальности в среде города может быть функционирование территориальных (региональных) диалектов. По словам информантов, по некоторым ключевым словам они могут понять, из какого региона приехал человек. Маркерами аутентичности в среде крупного города являются воспроизводимые в нарративах молодежи имена собственные, а также географические названия (например, названия сел: Нижние Халбы, Верхняя Эконь, Джун). У некоторых студентов-северян, у которых имена русские, есть еще и второе имя, национальное. Марина (эвенка) сказала, что в Петербурге ей приятнее чувствовать себя Нерукстаной, чтобы «как-то отличаться». Актуализируются в городской среде нарративы о шаманах, шаманские легенды.

В Главе III «Апелляции к аутентичности» рассматривается конструктивистское измерение феномена этнокультурной аутентичности.

В § 1 третьей главы «Изобретаемая аутентичность» анализируются теории «изобретения культуры». Тезис о культурном изобретении (Д. Линникен, Т. Рейндженер, Р. Хандлер, А. Хансон, Э. Хобсбаум) вызывает политические дебаты и затрагивает вопрос о культурной аутентичности. Многие дискуссии о традиционности вызваны тем фактом, что «традиция» одновременно является как научной категорией, так и категорией обыденного сознания.

Традиции, презентируемые как древние, часто оказываются «изобретенными» в недалеком прошлом. То, что часто считается аутентичной традицией, в реальности может являться продуктом глобальных политических и экономических процессов. Концепт

¹⁵ Jones M. Editorial Introduction. Landscape, Law and Justice – Concepts and Issues // Norwegian Journal of Geography, Vol. 50, p. 3.

«изобретения» может трактоваться представителями индигенных групп как «оценочный» концепт, где «изобретение» наделяется значением «неистинного». Хотя ряд исследователей пытались выделить «истинные» и «изобретенные» (Э. Хобсбаум), «первичные» и «вторичные» (К. В. Чистов) традиции, рассматривали «реальную» и «фиктивную» традиционность (Э. Шилз), не следует разделять традиции на «настоящие» и «ненастоящие», «auténticas» и «neauténticas». Апеллируя к прошлому, они символически конструируются в настоящем и отражают современные проблемы и цели. Э. Гидденс считает, что мнение о том, что традиции не подвластны переменам, является мифом. Традиции не только эволюционируют со временем, но и подвержены резкому, внезапному изменению и трансформации. Они все время изобретаются заново, а традиции «в чистом виде» просто не бывает.¹⁶

При изобретении традиции всегда используются выборочные элементы – то, что ассоциируется с «донаиндустриальным», «auténticos». Политические менеджеры выбирают те символы, которые имеют резонанс в обществе (Э. П. Коэн). Ученые также вовлечены в процесс конструирования и изобретения традиций. В процессе конструирования национальной идентичности важную роль играют археология и этнография. В советской этнографии доминирующей являлась парадигма «поиска традиции», много писалось об «исчезновении» культуры народов Севера и о том, что «традиции забываются». Создавались локальные нарративы о потере культуры, которые подкреплялись системой образования и педагогическим дискурсом.

В § 2 третьей главы «Конструирование индигенной идентичности» анализируются дискурсивные механизмы формирования индигенной идентичности.

Правовые документы, законодательные акты и юридическая практика служат источниками для нормативного конструирования индигенной идентичности. В российской социально-политической практике подход к определению коренных малочисленных народов носит спорный характер. Существуют споры относительно критерия, по которому можно назвать тот или иной народ малочисленным и относительно оправданности употребления термина «малочисленный народ» с юридической точки зрения. Тем не менее, включение в Единый перечень предполагает получение определенных прав, которые предусматривает Федеральный закон «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации». Так, при поступлении в некоторые вузы представители коренных малочисленных народов имеют льготы.

¹⁶ Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь / Пер. с англ., М.: Весь мир, 2004, с. 55-57.

Лидеры культурных движений индигенных народов вовлечены в процесс символического конструирования и воссоздания. Этот процесс подразумевает привлечение локальных региональных «традиционных» культурных форм (вышивка, резьба, традиционные ремесла, фольклор), которые используются как символ причастности к коренному народу. Большинство «традиционных» культурных форм и «автохтонной» культурной продукции, произведенной коренными народами, сейчас презентируется в новом контексте – спортивные, карнавальные, музыкальные и танцевальные перформансы.

Формированию индигенной идентичности способствуют контакты коренного населения с исследователями, а также чтение этнографической литературы. Многие мастера из числа малочисленных народов при изготовлении традиционных поделок используют информацию из научной литературы. В среде мегаполиса частью дискурсивного конструирования индигенной идентичности выступают нарративы о природе. В городской среде функционирует «нarrатив Севера», где окружающая среда предстает как «суровая». Северяне в Санкт-Петербурге говорят о природе на «Малой Родине» как о «живой». Противоположной категорией является «искусственная» природа в городе.

В § 3 третьей главы «Инструментализация аутентичности и дискурс индигенности» рассматриваются механизмы использования символов аутентичности в дискурсе коренных малочисленных народов, который связан с вопросами идентичности и отношениями власти. Этнические меньшинства могут использовать аутентичность как политическую стратегию, результатом является ее инструментализация.

Политическое существование индигенных групп внутренне связано с механизмами политического признания. Вопрос аутентичности затрагивается в политической сфере, когда участники социальных движений требуют, чтобы их понимали в терминах «различий».¹⁷ Политика признания идентичности сопровождается направленной и демонстративной презентацией «аутентичной» этнической символики. Начало публичной дискуссии по поводу символов аутентичности отмечается их политизацией. Дискурс индигенности является формой функционирования политизированных символов этнической культуры. Он заключается в борьбе коренных народов за политическое признание, сопряжен с вопросами, касающимися юридических прав на территории традиционного природопользования.

¹⁷ Rudrappa S. The Politics of Cultural Authenticity // Rudrappa S. Ethnic Routes to Becoming American: Indian Immigrants and the Cultures of Citizenship, New Brunswick, NJ, USA: Rutgers University Press, 2004, p. 135.

Дискурс «Четвертого Мира» (коренных народов) нередко включает вопросы, касающиеся природных ресурсов и окружающей среды. Как заметил Марк Нуттл, в антропологической и этнографической литературе утверждение о том, что доиндустриальные народы продолжают жить в гармонии с окружающей средой, стало клише. Подобные утверждения используются в политических интересах.¹⁸ Индигенные активисты могут, таким образом, презентировать себя как представителей «экоэнvironmentалистских культур» и использовать риторику аутентичности в политическом контексте для обоснования прав на локальные ресурсы. «Аутентичные голоса» является новой стратегией репрезентации коренных народов в популярном дискурсе и масс-медиа. Национальная интеллигенция и индигенные активисты используют символы «аутентичности» для того, чтобы позиционировать себя и свою культурную группу как «Других». Таким образом, аутентичность необходимо рассматривать как дискурсивную стратегию, преследующую политические цели и используемую для легитимации права на обладание культурным ландшафтом.

§ 4 третьей главы «Культурная аутентичность как ресурс и предмет потребления» аутентичность рассматривается как форма символического капитала.

В эпоху глобализации утрата символов традиционной культуры стала ресурсом. Апелляции к аутентичности играют важную роль в процессе коммодификации (превращения в товар) культуры. То, что презентируется как «редкое» или «утрачиваемое», обладает большей рыночной стоимостью. Апелляции к аутентичности помогают поддерживать рост рыночной стоимости культурного продукта.¹⁹ Этнокультурная аутентичность превращается в экономический ресурс и предмет потребления. В конструктивистском ключе она может рассматриваться также как форма символического капитала.

Дискуссионными являются вопросы коммерческого использования традиции. Символические практики, например, этнические, потенциально могут быть скопированы. Возникает ряд вопросов, касающихся права интеллектуальной собственности на элементы традиции. Символы культурной аутентичности могут рассматриваться культурной группой как форма имущества. Результатом коммодификации культуры является то, что часть предметов «в национальном стиле» производится мастерами из числа народов Севера не для локального использования, а специально для продажи туристам. Таким образом, на рынке покупателям предлагается «аутентичность предметов». Точно так же создаются определенные туристические практики, рассчитанные на потребление

¹⁸ Nuttall M. Protecting the Arctic. Indigenous Peoples and Cultural Survival. London: Routledge, 1998, p. 149.

¹⁹ Kasten E. Ways of Owning and Sharing Cultural Property // Properties of Culture – Culture as Property. Pathways to Reform in Post-Soviet Siberia / Edited by E. Kasten, Berlin: Dietrich Reimer Verlag, 2004, p. 16.

туристами. Например, практика наблюдения за обрядом кормления огня или шаманским танцем. Тем не менее, не следует разделять предметы и практики на «auténticas» и «no-auténticas». «Иллюзия аутентичности» также является мотивом приобретения товара или услуги.

В «Заключении» подводятся основные итоги исследования.

Аутентичность необходимо рассматривать как многомерный феномен, который включает объективистское, личностное и конструктивистское измерения. Как инструмент социологического анализа, аутентичность не должна рассматриваться как статичная и укорененная в традиции категория. Не следует воспринимать этнокультурную аутентичность как нечто утерянное, забытое и требующее возрождения, а нужно исследовать, как представители различных культурных групп используют суждения об истинности для того, чтобы получить контроль над локальными ресурсами и чтобы заявить свои права на культурное наследие.

В условиях мегаполиса символизация этнокультурной аутентичности проявляется в том, что в городской среде возникают социальные связи и транслируются нарративы, которые характерны для сельской, неурбанизированной местности. Воспроизведение символов культурной аутентичности в крупном городе происходит посредством повседневных, рутинных практик и социальных взаимодействий с земляками. Фольклор и страшные истории, которые рассказываются в среде молодежи, способствуют трансляции «auténticas» символов локальности в «иной среде».

Национальная интелигенция и институт образования принимают активное участие в «изобретении традиций». Представители организаций коренных народов используют идиомы индигенной идентичности в зависимости от текущей политической ситуации для выдвижения требований самоуправления, доступа к ресурсам и получения прав на использование территории.²⁰ Происходит политическая инструментализация этнокультурной аутентичности, которая зависит от расстановки политических сил.

Этнокультурная аутентичность может трактоваться как форма символического капитала, которая используется как ресурс. Характерной чертой современности является то, что аутентичность стала предметом потребления. Коммодификация культуры приводит не только к изменению восприятия окружающей среды местным населением, но также и само-восприятия представителей локальной культурной группы. Получение прибыли от продажи «изделий в традиционном стиле» туристам является одной из экономических стратегий коренных жителей.

²⁰ Kasten E. Cultural Heritage: Property of Individuals, Collectivities or Humankind? // Max Planck Institute for Social Anthropology Working Papers. Working Paper No. 39, Halle / Saale, 2002, p. 6.

**Основные положения и выводы диссертационного исследования
представлены в следующих публикациях:**

Монография

1. Давыдов В. Н., Карбанинов Н. И., Симонова В. В., Целищева В. Г. Агинская street, танец с огнем и алюминиевые стрелы: присвоение культурных ландшафтов. Хабаровск: ДВО РАН, издательство Гродековского музея, 2006. – 192с., (12 п.л.).

Статьи, доклады и тезисы в научных сборниках, журналах, материалах конференций

2. Давыдов В. Н. Культурная аутентичность и коренные народы: институциональные процессы и политика идентичности // Журнал социологии и социальной антропологии, СПб., 2006, Том IX, № 3(36), с. 93-110 (1,2 п.л.).
3. Давыдов В. Н. Международная научно-практическая конференция «Культура и менталитет сибиряков» // Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. Том VII. №2, с. 196-200 (0,4 п.л.).
4. Давыдов В. Н. Повторное интервью: проблема интерпретации в социально-антропологическом исследовании // Возможности и границы использования социологических методов и социальных технологий в современном обществе. Тезисы научно-практической конференции / Ред. Н. Г. Скворцов, В. Г. Овсянников, Е. Э. Смирнова, СПб., 2002, с. 129-131 (0,1 п.л.).
5. Давыдов В. Н. Симонова В. В. Студенты-северяне в Петербурге // Записки Гродековского музея. Выпуск 6 / Отв. ред. Рубан Н. И. Хабаровск, 2003, с. 80-87 (0,5 п.л.).
6. Давыдов В. Н. Симонова В. В. Место шаманизма в жизни современных нанайцев / Религиозная ситуация на Северо-Западе России и в странах Балтии. Материалы международной научной конференции. СПб., 2002, с. 60-66 (0,4 п.л.).
7. Давыдов В. Н. Симонова В. В. Студенты-северяне в Петербурге. Мобилизация северной идентичности // Сибирь. Проблемы сибирской идентичности / Ред. А. О. Бороноев. СПб., 2003, с. 192-199 (0,5 п.л.).
8. Давыдов В. Н. Симонова В. В. Традиционные религиозные представления нанайцев: современная ситуация // Культура и менталитет населения Сибири. Тезисы Международной научно-практической конференции / Отв. ред. А. О. Бороноев. СПб., 2003, с. 35-39 (0,2 п.л.).
9. Давыдов В. Н. Этнокультурная аутентичность: проблема самопрезентации молодежи из числа коренных малочисленных народов Севера в большом городе / Культура и менталитет населения Сибири. Тезисы Международной научно-практической конференции / Отв. ред. А. О. Бороноев. СПб., 2003, с. 154-157 (0,1 п.л.).
10. Давыдов В. Н. Мультикультурализм: феномен этнокультурной аутентичности в крупном городе // Глобализация и культура. Аналитический подход. / Отв. ред. Н. В. Тишунина. СПб., 2003, с. 165-170 (0,3 п.л.).
11. Давыдов В. Н. Этнокультурная аутентичность в крупном российском городе: стратегии самоапрезентации (на примере молодежи из числа малочисленных народов Севера в Санкт-Петербурге) // Проблемы сибирской ментальности / Под общ. ред. А. О. Бороноева. СПб., 2004, с. 101-129 (1,8 п.л.).
12. Давыдов В. Н. Студенты-северяне в крупном городе: феномен этнокультурной аутентичности // Социальное и культурное пространство города. Материалы конференции молодых ученых. СПб., 2004, с. 194-196 (0,1 п.л.).

13. Давыдов В. Н. Этнокультурная аутентичность в крупном российском городе: политизация символов // Российское общество и власть: проблемы взаимодействия. Тезисы научно-практической конференции / Отв. ред. В. Д. Виноградов. СПб., 2004, с. 70-71 (0,1 п.л.).
14. Давыдов В. Н. Студенты-северяне в Петербурге: феномен этнокультурной аутентичности в крупном российском городе // Тревоги и надежды моего поколения: ценности, политическое участие, повседневные практики российской молодежи начала ХХI века. Сборник статей участников Пятого конкурса научных работ студентов и аспирантов памяти Г. В. Старовойтовой «Галатея» / Под ред. В. В. Костопешева. СПб., 2004, с. 36-50 (0,8 п.л.).
15. Давыдов В. Н. Студенты-северяне в Петербурге: феномен этнокультурной аутентичности в крупном российском городе // Записки Гродековского музея. Выпуск 8 / Отв. ред. Н. И. Рубан, Хабаровск, 2004, с. 70-85 (0,8 п.л.).
16. Давыдов. В. Н. Студенты-северяне в крупном городе: проблема адаптации, социальные связи и взаимодействия, этнокультурная аутентичность // Сибирский субэтнос: культура, традиции, ментальность. Выпуск 1. / Отв. ред. Б. Е. Андюсов. Красноярск, 2005, с. 58-66 (0,4 п.л.).
17. Давыдов В. Н. Мигранты-северяне в крупном городе: социальные связи и взаимодействия, структуры повседневности // Ментальность этнических культур / Отв. ред. И. Ф. Кефели. СПб., 2005, с. 201-206 (0,4 п.л.).
18. Давыдов В. Н. Маленький народ в большом городе: студенты-северяне в Петербурге // Словесница искусств. Хабаровск. 2005, с. 14-17 (0,4 п.л.).
19. Давыдов В. Н. Институциональные процессы в культуре и этнокультурная аутентичность // Интеграция. Коммуникация. Управление: Сборник статей молодых ученых / Под ред. В. В. Васильковой, В. В. Козловского, В. Н. Мининой, СПб.: Интерсоцис, 2005, с. 11-16 (0,4 п.л.).
20. Давыдов В. Н. Религиозные представления как маркер этнокультурной аутентичности // Религиозная ситуация на Северо-Западе России и в странах Балтии: традиции и современность. Сборник статей по итогам II международной научной конференции / Сост. А. Ю. Григоренко, А. М. Прилуцкий, СПб: ООО Светоч, 2005, с. 277-280 (0,2 п.л.).
21. Давыдов В. Н. Студенты-северяне в крупном российском городе: феномен этнокультурной аутентичности // Этносоциальные процессы в Сибири. Тематический сборник. Выпуск 7 / Отв. ред. Ю. В. Попков, Новосибирск: Сибирское Научное Издательство, 2006, с. 163-165 (0,5 п.л.).
22. Давыдов В. Н. Институционализация культурных групп и гражданское общество // Теория и практика становления и развития гражданского общества в России / Под ред. М. М. Соколова: Сборник работ участников Шестого конкурса молодых ученых и студентов. – СПб.: Норма 2006, с. 81-87 (0,4 п.л.).
23. Давыдов В. Н. Культурная аутентичность и коренные народы: институциональные процессы в Сибири // Сибирская ментальность и проблемы социокультурного развития региона. Всероссийская научно-практическая конференция, 5-6 июля 2006 г. Сборник докладов. Том 1 / Науч. Ред. Ц. Ц. Чойропов, Улан-Удэ: Издательство ВСГТУ, 2006, с. 91-95 (0,3 п.л.).
24. Давыдов В. Н. Self-presentation, narrative and ethnocultural authenticity // Сибирский субэтнос: культура, традиции, ментальность: материалы II научно практической Интернет конференции. Вып. 2: в 2 кн. Кн. 1 / Отв. ред. Н. И. Дроздов, Красноярск: Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева, 2006, с. 78-92 (0,6 п.л.).

25. Давыдов В. Н. Коммодификация природы и культуры // Этноистория и археология Северной Евразии: теория, методология и практика исследования: Сборник научных трудов / Под ред. А. В. Харинского, Иркутск: Эдмонтон: Изд-во ИрГТУ, 2007, с. 319-322 (0,3 п.л.).
26. Давыдов В. Н. Понятие «культурная аутентичность» в дискуссиях о сохранении культурного наследия // Сибирская ментальность и проблемы социокультурного развития региона / Под ред. А. О. Бороноева, СПб.: Астерион, 2007, с. 150-165 (0,8 п.л.).

Подписано в печать 30.08.2007
Заказ 300 Тир. 100 экз., объем 1.3 п. л.
ООО «Арт-Копи» ул. Садовая, д. 54